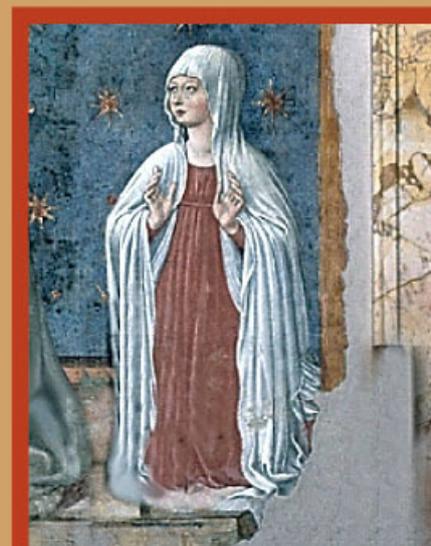
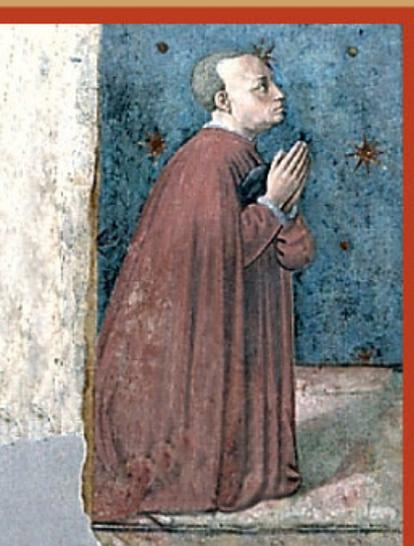

Legenda «ASSIDUA»

Первое житие
СВЯТОГО
АНТОНИЯ
Падуанского

Анонимный автор

**Первое житие святого Антония
Падуанского, называемое
также «Легенда Assidua»**

«Издательство Францисканцев»

УДК 281.9
ББК 86.372-574.3

Анонимный автор

Первое житие святого Антония Падуанского, называемое также «Легенда Assidua» / Анонимный автор — «Издательство Францисканцев», 1232

ISBN 978-5-89208-065-1

С радостью представляю выдающийся литературный памятник, которым московское Издательство Францисканцев открывает новую серию публикаций, объединенных темой "Францисканская агиография". Это – Первое житие святого Антония Падуанского, называемое также Assidua, составленное в 1232 г., почти сразу после причисления подвижника к лику святых. Оно оказало огромное влияние на весь корпус житий великого чудотворца: все, что было написано о святом Антонии – с XIII века и до наших дней – в той или иной мере испытало на себе влияние Первого жития.

УДК 281.9
ББК 86.372-574.3

ISBN 978-5-89208-065-1

© Анонимный автор, 1232
© Издательство Францисканцев, 1232

Содержание

Предисловие к русскому изданию	6
Введение[1]	8
Автор «Легенды Assidua»	8
Конец ознакомительного фрагмента.	15

**Первое житие святого Антония
Падуанского, называемое
также «Легенда Assidua»**

**Составлено анонимным автором из
Ордена Братьев Меньших (ок. 1232 г.)**

По изданию:

Vita Prima di S. Antonio, o «Assidua» (c. 1232)

Перевод с итальянского (введение и примечания) и латинского: Ольга Карпова

Редактура: Игорь Баранов

Предисловие к русскому изданию: о. Н. Дубинин OFMConv.

Дизайн: Иван Сердюков

Верстка: Оксана Басий

Издание осуществляется при поддержке издательства *Messaggero di S. Antonio* в Падуе

Предисловие к русскому изданию

С радостью представляю выдающийся литературный памятник, которым московское Издательство Францисканцев открывает новую серию публикаций, объединенных темой Францисканская агиография. Это – Первое житие святого Антония Падуанского, называемое также *Assidua*, составленное в 1232 г., почти сразу после причисления подвижника к лику святых. Оно оказало огромное влияние на весь корпус житий великого чудотворца: все, что было написано о святом Антонии – с XIII века и до наших дней – в той или иной мере испытало на себе влияние Первого жития.

Изданию этого сочинения предшествовало несколько книг нашего издательства, познакомивших русскоязычного читателя с жизнью и духовностью св. Антония (Верджилио Гамбозо, Святой Антоний Чудотворец, 1995; Молитвенник св. Антония, 1997; Св. Антоний Падуанский, Проповеди, 1997; Вильгельм Хунерман, Святой Антоний Падуанский, 2-е изд. 2004). Все они вызвали живой интерес в России и соседних странах, некоторые издания уже стали библиографической редкостью.

Антоний Падуанский – несомненно, один из самых известных западных святых. Редко можно найти католический храм или часовню, где бы не было его изображения или статуи. Чтобы поклониться мощам чудотворца, покоящимся в величественной базилике в Падуе в этот итальянский город ежегодно прибывают более 3 миллионов паломников из самых разных стран. Намного сложнее сосчитать, сколько человек просит его ходатайства на традиционных вторичных богослужениях в честь святого Антония, совершаемых во многих монастырях и приходах по всему миру. В Стамбуле храм Св. Антония по вторникам посещает немало мусульман.

Первые свидетельства о почитании святого Антония Чудотворца на территории современной России относятся к XV в.: в то время в Азове существовали посвященные этому святому братство, церковь и школа. Два века спустя молитвы к этому святому возносили уже не только католики, но и православные: в южно-русских служебниках конца XVII века можно найти службу св. Антонию на старославянском языке. А в начале XX в. на территории России было 19 католических храмов, посвященных св. Антонию Падуанскому. В настоящее время существует францисканский монастырь Антония Чудотворца в Санкт-Петербурге, а также несколько католических храмов и приходов в честь св. Антония в разных регионах России.

Хочется надеяться, что эта книга поможет многим лучше узнать и еще больше полюбить св. Антония, а тем, кто встретится с ним в первый раз – обрести надежного покровителя и верного помощника во всякой нужде.

Это житие носит название «*Assidua*» по первому слову латинского текста. Труд открывается признанием автора (анонимного монаха-францисканца), что сочинение возникло не по его частной инициативе, а по настойчивой просьбе братьев (*assidua postulatione fratrum*) и поручению настоятелей.

Важно отметить, что *Assidua* является легендой не в современном значении этого слова, а по принадлежности к, пожалуй, самому распространенному типу агиографической литературы. Сегодня легендами называют повествования сомнительной фактографической ценности, «благочестивые полубасни». Во времена же средневековья легенда была сложившимся агиографическим жанром, имевшим свои каноны и критерии. Само слово «легенда» (от лат. *legere* – читать) означает «то, что надлежит читать». Жития-легенды были предназначены для чтения в монастырях и храмах и составлялись согласно требованиям, предъявляемым к сочинениям для публичного чтения. Повествование состояло из 3 основных частей: *vita* (жизнь), *flores* (цветочки) и *miracula* (чудеса). Язык легенды изыскан: в нем обильна символика (особенно библейская), нередко встречаются риторические фигуры, фразы составлены таким обра-

зом, чтобы логические акценты помогали читателю и слушателю легче усваивать смысл и даже запоминать текст.

Все это вы найдете в Первом житии святого Антония, составленном по рассказам людей, знавших святого, и имевшем своей целью красноречивое, но в то же время достаточно точное и достоверное изложение фактов. В отличие от многих агиографических сочинений Средневековья и эпохи Контрреформации, здесь довольно скупо описаны всего лишь два чуда, произошедшие при жизни святого. В этой легенде вы не встретите рассказов ни о проповеди рыбам, ни о сердце ростовщика, найденном после его смерти в сундуке, ни о том, как ослик еретика Бононилло преклонил колени перед Пресвятыми Дарами, выставленными святым. Учитывая, что речь идет о святом, получившем уже при жизни славу чудотворца, кое у кого это наверняка вызовет недоумение. Но не спешите с выводами и не откладывайте книгу в сторону: чудеса, конечно, были и есть – и какие! – чудо юношеской чистоты и целомудрия; чудо душевной твердости, помогающее следовать по избранному пути до последнего мгновения жизни; чудо памяти, натренированной до такой степени, что она заменяла ее обладателю библиотеку; чудо любви и милосердия к душам, превратившее уже смертельно больного в великого благовестника, проповедовавшего сорок дней подряд Великим постом от рассвета до заката; чудо бескровного мученичества; чудо характера, преодолевавшего любые преграды, не давая терять присутствие духа... И, наконец, самое главное чудо – чудо Святости, которая не «не от мира сего», а ради мира.

В течение столетий легенда *Assidua* была официальным литургическим текстом базилики Св. Антония в Падуе. Это книга для неторопливого, осмысленного чтения, в ней немало увещаний. Если вы прочтете ее не в спешке, а согласно ритму, предложенному автором, то обязательно почувствуете умиротворение и благоговение перед Богом в благодарность за св. Антония.

*о. Николай Дубинин OFMConv.,
Генеральный Кустод*

Москва, 13 июня 2007 г.,
торжество св. Антония Падуанского

Введение¹

Автор «Легенды Assidua»

Облик автора Первого жития

Назвать имя автора Первого жития – самостоятельная научная задача. Агиограф пропускает через себя своего персонажа, субъективно и несколько произвольно интерпретирует его поступки, а также передает собственные воспоминания и мемуары других людей, документы и впечатления. Намеренно или нет, он проецирует на личность героя особенности собственного мировоззрения, в том числе свою недалекость, искаженное восприятие, предубеждения или предрассудки среды. Добавим к этому самоцензуру и цензуру внешнюю (особенно если автор действует от имени какой-то группы), преувеличение одних аспектов и ценностей за счет приуменьшения других, личные предпочтения и неприятие. Однако даже из поверхностного знакомства с текстом мы можем извлечь определенные, можно сказать, автобиографические, черты личности автора «Легенды Assidua».

а) В первой же фразе аноним представляется Меньшим Братом, вернее, собратом новопрославленного святого (*отца и брата нашего Антония*, 1, 1), о деяниях и чудесах которого он спешит рассказать. В прологе он признается, что взялся за труд по настойчивой просьбе собратьев и распоряжению настоятелей. Немного спустя (1, 9) автор сообщает, что сведения почерпнул *у наших братьев*. Это словосочетание – *блаженнейший отец и брат наш* – применительно к Антонию вновь появляется во втором прологе (16, 1). В заключительной молитве автор называет новопрославленного святого *отче преблагий* (47, 7), взывая к нему от первого лица и становясь как бы посредником собратьев. Автор причисляет себя к Меньшим Братьям – членам Ордена, к которому принадлежал при жизни святой Антоний, – и берет слово от имени всей монашеской семьи: *помяни меня и прочих братьев твоей общины*.

б) Нетрудно уловить и другие аспекты интеллектуального, нравственного и духовного облика агиографа. Перед нами – начитанный человек, опытный в искусстве владения пером, знаток своей эпохи, очень искусный сочинитель. Только что процитированный пролог, хотя и не лишен неизбежных в этом случае общих мест и литературных ухищрений, свидетельствует о волнении автора: ему представилась великая возможность проявить в жизни свои способности и отныне он сам навеки неразрывно соединился со св. Антонием. Автор называет себя убогим, совершенно неискусным, неспособным к усердному труду и говорит, что взялся за него единственно из послушания и любви, а не для того, чтобы блеснуть эрудицией.

в) Встретив в Первом житии более 550 прямых и косвенных цитат Писания мы приходим к выводу, что автор хорошо знает Библию. Важно и влияние на «Легенду Assidua» и Первого жития св. Франциска (*Vita prima s. Francisci*), оконченного несколькими годами ранее Фомой Челанским. Действительно, в Assidua не менее сотни заимствований из сочинения Фомы. Реже встречаются, но не менее важны, свидетельства об использовании автором и других агиографических трудов, например, *Vita Antonii (Житие Антония Великого)* Афанасия, *Vita Martini (Житие святого Мартина)* Сульпиция Севера, *Dialogus (Собеседования)* Григория Великого. Следует упомянуть, кроме того, о фразах, заимствованных из католической литургии, аскети-

---

¹ Публикуется в сокращении. – Прим. пер.

ческой традиции и т. п. Итак, перед нами человек, погруженный в духовную культуру своей эпохи.

г) Еще одним признаком симпатии анонимного автора к учености служит то, как старательно он подчеркивает любовь Антония к Писанию и богословию. Святой Антоний – высокообразованный человек и для агиографа это качество очень важно. В детстве родители отдают Антония в школу при кафедральном соборе Лиссабона, как бы предвосхитив будущую миссию глашатая Евангелия. В годы, проведенные в Коимбре, юный Фернандо разделяет свои повседневные заботы между ревностной практикой монашеских подвигов и страстной любовью к *lectio divina*², учению, построенному согласно популярным в то время критериям. Денно и ночью он предается излюбленной интеллектуальной работе, чередуя изучение Библии с патристическими трудами и сохраняя прочитанное в памяти (4, 6). Далее (5, 14) автор жития подчеркивает, прибегая к словосочетаниям, взятым из Писания, чудесную глубину наставлений и проповедей великого апостола (эта мысль прозвучит в ином ключе в 8, 6–9 и 10, 2–4). Агиограф спешит упомянуть и о двух сочинениях Антония экзегетико-гомилетического характера (11, 3–4).

д) Анонимный автор одарен талантом рассказчика и не лишен наблюдательности. Он скупко набрасывает краткий очерк жизненного пути своего героя от его рождения до осени 1230 года; решительный поворот происходит по прибытии Антония в Падую. Однако протагонистом этих страниц предстает не святой, а скорее, народ – благочестивый, но и непредсказуемый в своей бьющей через край эмоциональности. Апостолу приходится овладеть стратегическими навыками, чтобы его не растерзала фанатичная толпа (13, 10). Несколько месяцев спустя, в ярости оспаривая друг у друга драгоценные реликвии, жители города оказываются на пороге братоубийственной войны. Главы 18–24 представляют собой красочное, пространное отступление, в котором автор может, наконец, придать своему *репортажу* благородную тональность и неповторимый агиографический аромат.

е) В другом месте мы встречаем осторожный критический подход. Загадочное словосочетание *ut ferunt* (2, 1), словно бросающее тень («да кто его знает!») на тот факт, что где-то, на задворках мира, стоит город Лиссабон. То же *ut ferunt* дважды мелькает в главе 13 (4.7), когда речь идет о благородных господах и дамах, спешивших еще ночью занять место, чтобы услышать проповедь Антония. Агиограф посмеивается над прочитанным или услышанным где-то утверждением, что люди, привыкшие к сладкой и изнеженной жизни, совершают подобные подвиги, *безропотно* идут пешком. Критически, как знаток человеческой слабости, он описывает и возмущение жителей Капо-ди-Понте³, старавшихся любой ценой присвоить мощи святого. Нельзя не заметить и мошенничество монахинь монастыря в Арчелле⁴, задумавших заставить братьев отказаться от тела Антония (см. глава 19). Однако драматические события описаны со смиренным снисхождением. Автор «смиренен сердцем, кроток», напитан Евангелием, ему не по душе ни осуждать ближнего, ни нападать на пороки с острой морализаторской критикой; если же приходится вынести порицание, он делает это снисходительно (см. 42, 11). Он явно симпатизирует «своему» благочестивому падуанскому народу.

ж) Знаток церковных писаний, анонимный автор – человек спонтанного, горячего благочестия. С радостным участием он описывает, как верующие организуют процессии и с трогательной верой приходят к усыпальнице святого (26). В конце концов, разве весь трактат – не своего рода вотивный дар⁵ и горячее приглашение почитать Антония и посетить новый

---

² *Lectio divina* – молитвенное чтение Священного Писания и размышление над ним. – *Прим. пер.*

³ См. прим. 128. — *Прим. пер.*

⁴ См. прим. 117. — *Прим. пер.*

⁵ Вотивный, или обетный дар – дар человека, связанный с принесенным им обетом. В средневековой христианской практике вотивный дар является выражением богопочитания и благодарности Богу за определенную милость (например, исцеление, сохранение от опасности, рождение ребенка и т. п.), полученную после принесения соответствующего обета. Подробнее

санктуарий⁶? И повествование о кончине Антония (17, 17–18), и все житие (47, 4–6) завершаются молитвой. Более того, почти все страницы, с 25, 1 до конца, «благоухают» молитвенными прошениями, актами благочестия и богобоязненными процессиями, сосредоточенными вокруг духовного центра – ковчега с мощами святого чудотворца. Агиографу по душе бегство от суеты, неискренности, расточительства, мы видим это благодаря тому, как тщательно он подчеркивает эту линию в жизни *блаженнейшего отца и брата нашего Антония*: святой не уклонялся с этого пути, не прерывал его с детских лет, проведенных при храме и дома, до последних часов жизни.

з) Возможно, из-за естественных свойств характера или же в силу аскетизма – что еще более вероятно, когда речь идет о человеке «обратившемся», жившем на заре францисканства, – автор довольно скрытен. Он старательно умалчивает о себе, и у нас практически не осталось надежды назвать его имя. Да и сам св. Антоний предстает на страницах *Assidua* человеком Божиим, окруженным непроницаемым покровом таинственности, сиянием духовной скромности. Анонимный автор рассказывает только о том, что кажется ему важным, не приукрашивает реальные события занятыми историями и поговорками. Антоний окружен сиянием святости человека Божия; он святой, который, живя *во плоти, но не по плоти* (47, 6) находится, если не за гранью, то по крайней мере на границе преходящего. Автор помещает главного героя повествования как бы вне времени, отвергает сенсации, не упоминает ни о встрече Антония с жестоким Эццелином в Вероне, ни о его выступлении в совете коммуны в защиту должников. Он обходит вниманием политические, социально-экономические условия жизни Падуи и всей Тревизийской Марки⁷, где в то время было немало междоусобных столкновений, царил нищета, множилось число еретиков. Образ Антония лишен средневековой эпичности, вселяющей благоговейный трепет. Он не подавляет ни своих современников, ни нас с вами ослепительными чудесами, не вмешивается в крестовые походы, в политику. Но не была ли такая скромность чертой самого автора, не спроецировал ли он на главного героя повествования собственные идеалы?

Завеса молчания окружает и францисканцев, которых мы встречаем на страницах *Assidua*. Агиограф предпочитает прослыть молчуном, нежели *Cicero pro domo sua*⁸. Инициатива почитания Антония исходит, согласно автору жития, исключительно от *верного народа Падуи* (27, 12); прославление его в лике святых – *дело падуанцев* (28, 14). Минориты⁹ не упомянуты даже в описании торжественной церемонии канонизации (глава 29). Святой и его собратья окутаны молчанием – возможно, в этом был тонкий расчет автора.

и) Св. Франциск, и это очень важно, «удален» со страниц *Assidua*. Для агиографа главным и единственным ориентиром Меньшего Брата (термин «францисканцы» еще не появился) остается идеал евангельской и апостольской жизни, основателю же Ордена отводится второсте-

---

об этом см. прим. на стр. 231 и в разделе о чудесах в целом. – Прим. пер.

⁶ Санктуарий, или святилище – место, где почитаются могилы выдающихся святых, реликвии, чудотворные статуи и иконы. Санктуарий может быть возведен на месте мученической кончины подвижника (например, собор св. Петра) или там, где произошло чудо, например, явления Богородицы (Лурд, Фатима и т. д.). Еще одна характерная особенность санктуария – многочисленные паломничества верующих не только по случаю литургического празднования, а круглый год. Санктуарий может быть епархиального, национального или международного значения, в зависимости от того, получил ли он подтверждение от местного правящего епископа, конференции епископов или Святого Престола. Привилегии, даруемые санктуарию компетентными духовными властями, служат на благо духовной жизни верующих: возможность получить индульгенции, отпущение тяжких грехов и т. п. – Прим. пер.

⁷ См. прим. 90. —Прим. пер.

⁸ Лат. Досл. «Цицероном в защиту своего дома» – так в Италии говорят о человеке, пылко защищающем свои личные интересы. Выражение уходит корнями в античные времена. 29 сентября 57 г. до н. э. в коллегии понтификов Марк Туллий Цицерон произнес речь в защиту своего дома (*Pro domo sua*), в которой потребовал вернуть принадлежавший ему земельный участок на Палатинском холме, где когда-то был его дом, разрушенный после издания закона «Об изгнании Марка Туллия». 2 октября сенат постановил вернуть Цицерону земельный участок и отпустил средства на постройку дома (см. Марк Туллий Цицерон. Речи в двух томах. Т. 2 (62–43 гг. до н. э.) / В.О. Горенштейн, М.Е. Грабарь-Пассек. – М., 1962). – Прим. пер.

⁹ От *Ordo minoritii* (одно из первых названий францисканского ордена). – Прим. пер.

пенная роль служителя воли Божией и нового монашеского института, который, однако, развивается самостоятельно. Так, Антоний, согласно *Assidua*, вступает в ряды миноритов не потому, что его привлекает харизматическая личность Франциска или восхищают нищие монахи скита в Оливайше, а для того, чтобы утолить жажду миссионерства и мученичества. Он, скорее, последователь пяти братьев, казненных в Марракеше (Марокко), его больше влечет мистика мученичества, чем желание стать учеником Серафического отца. В Ассизи в мае 1221 г. он не пытается добиться беседы с основателем и его первыми учениками, а просит генерального настоятеля Ордена, брата Илию, позволить ему отправиться в Романью¹⁰. Можно предположить, что сам автор легенды присоединился к движению «кающихся из Ассизи», вдохновившись, скорее, возрождением евангельских идеалов, чем личностью Франциска. По-видимому, автор *Assidua* довольно поздно вступил в Орден, возможно, он родился на севере Италии и был принят в ряды миноритов самим Антонием либо, не будучи итальянцем, переселился при жизни святого на Апеннинский полуостров.

к) Еще одна красноречивая деталь – уважение и почтение автора к белому и черному духовенству. Епископ Сугерий II Лиссабонский – единственный свидетель, названный по имени (1, 5). О регулярных канониках-августинцах Лиссабона и Коимбры автор говорит не иначе, как с восхищением: Антоний становится миноритом, *мечтая о мученичестве* (5), нет ни единого намека на суровый кризис, поразивший в те годы Коимбрскую канонию. Францисканское движение в легенде не представлено с позиций конкуренции или, тем более, борьбы с недостатками духовенства XIII века. Папа Григорий IX *в окружении всех кардиналов* (10, 1) *слушает в пылу благоговения (ibid) проповеди святого; не прошло и месяца после кончины святого* (27, 4), как в папскую курию отправились представители церковных и светских кругов Падуи; *понтифик и все члены курии* (27, 5) принимают их и благодушно рассматривают вопрос о канонизации. Приводятся имена трех кардиналов (27, 5.18), поддержавших падуанцев, имена же тех, кто считал своим долгом воспрепятствовать чересчур стремительной канонизации, сокрыты, но автор справедливости ради отмечает, что речь идет о людях, *немало выделявшихся добродетелью и образованностью из прочих князей Церкви* (28, 2) и движимых исключительно *ревностью об обычаях церковных (ibid)*. На церемонии прославления Антония они окружают Папу Григория IX вместе с собранием епископов, аббатов, прелатов, священников – тех, кто был в те дни в курии или прибыл по этому случаю в Сполето (29, 6).

Особым уважением агиограф окружает *достопочтенного епископа падуанцев* (13, 6), хотя и не называет его имени: епископ вместе с духовенством епархии слушает великопостные проповеди Антония; занимает решительную и непоколебимую позицию в споре о мощах – именно к нему, *отцу сирот*, приходят скорбящие и потрясенные братья монастыря Пресвятой Девы Марии (20, 4); к нему же приходит министр провинции с просьбой уладить спор (23, 2); он же возглавляет церемонию перенесения мощей (24, 12.16). Кроме того, епископ *в окружении духовенства* (26, 8) босиком совершает паломничество к усыпальнице босоногого проповедника и ходатайствует *в пользу канонизации блаженного Антония* (27, 2.4). Ему же Григорий IX поручает возглавить епархиальный процесс по сбору и изучению случаев чудес, совершенных святым (27, 8; 44, 1).

Итак, кем же был автор *Assidua*, тщательно скрывший свое имя? Очевидно, очень благочестивым и образованным представителем духовенства, присоединившимся в зрелом возрасте к францисканцам, подобно тому как совсем незадолго до этого, в 1220 г., сделал это сам Антоний, а в 1225-м – Эймон Фавершемский. Можно ли назвать его имя? Над этой проблемой будут многие ученые.

¹⁰ Историческая область в Северной Италии. В настоящее время – часть административной области Эмилия-Романья. – Прим. пер.

Возможные авторы легенды

Очевидно, автор легенды не был *simplex et idiota* – как Франциск не раз называл себя¹¹, – поскольку братья настойчиво упрасивали именно его взяться за работу, а настоятели повелели ему это в силу послушания. На дворе 1232 г., Антоний только что сподобился (или вскоре сподобится) чести литургического почитания в Католической Церкви; основанный двадцать лет назад Орден миноритов недавно во второй раз¹² возглавил брат Илия, общепризнанной заслугой которого было активное содействие изучению богословия братьями.

Какими же писателями, искусными в агиографии, мог тогда похвастаться молодой Орден? Ведущим сочинителем, не знавшим себе равных, был брат Фома Челанский, в 1228 г. по повелению Папы Григория IX написавший *Первое Житие блаженного Франциска (Vita prima beati Francisci)*, канонизированного в том же году. Однако гипотеза, что *Assidua* также принадлежит перу Фомы Челанского, безосновательна. Да, в тексте часто встречаются «челаннизмы», однако стиль автора *Первого жития* св. Антония совершенно не похож на стиль Фомы; иной агиографический идеал (так же, как отличаются евангельские добродетели Антония и Франциска), иная структура: кульминация *Assidua* – жизнь святого в Падуе, решающий и окончательный этап миссии Антония. Уникальный «паданцентризм» – одна из главных и характерных черт трактата, такое мог задумать и написать человек, который по рождению или по основному месту жительства был падуанцем. В конце концов, для самого св. Антония Падуа стала родным городом, хотя здесь он провел в общей сложности не более года. Итак, первого его агиографа нужно искать именно в этом городе.

Бесполезно останавливаться на неоднократно предлагавшихся кандидатурах – таких, как Фома Павийский (Томмазо да Павия, ум. в 1280–84), Джон Пеккам (ум. в 1292), Хуан де Жиль (ум. в 1304). В 1232 г. они не только не были достаточно зрелыми и образованными, но и не успели еще прославиться литературными способностями.

Об этот «риф» разбивается и гипотеза, что возможным автором был блаженный Лука Беллуди, друг святого. Он скончался около 1288 г., а в 1232 г. был еще слишком юным, автор же *Assidua* был опытным писателем и создал труд, хотя и небезупречный, но очень значимый для агиографической традиции. Кроме того, за период от написания *Первого жития* до кончины брата Луки – а это более чем полвека! – нет ни одного подтверждения его незаурядных литературных способностей. К тому же, согласно 16, 2, неизвестный агиограф не был свидетелем событий, рассказанных во второй части, что плохо вяжется с образом верного и любимого друга святого.

Можно назвать имя человека, которому быть автором *Assidua* позволяют и способности, и возраст – Эймон Фавершемский, *муж великого благочестия [...], совершенное зеркало честности и великий богослов*, – как пишет Бернард Бесский¹³. Эймон вступил в Орден Братьев Меньших примерно в 1222 г. в Париже, будучи уже священником и проповедником. Он сменил Альберта Пизанского на посту настоятеля Английской провинции, а вскоре после этого в 1240 г. был избран генералом Ордена и нес это служение до своей смерти (июнь 1244 г.). Он был в первую очередь человеком ученым, а не администратором и не чурался пера, как свидетельствуют мудро подготовленные им литургические распоряжения. Согласно свидетельству своего соотечественника и современника Фомы Эккльстонского, Эймон, присоединившись к

¹¹ Лат. «простец и невежда». См. в Сочинениях св. Франциска: в Послании ко всему Ордену (39) – «ignorans sum et idiota» («я неуч и невежда»); в Об истинной и совершенной радости (11) «tu es unus simplex et idiota» («ты простец и невежда»). См. также 1Cel 120: «Franciscus virum idiotam et vere simplicitatis totiusque sinceritatis amicum» («Франциск, простак неграмотный, друг истинной простоты и совершенной искренности»).

¹² См. прим. 4 к главе 7 *Assidua*. – Прим. пер.

¹³ В *Liber de laudibus beati Francisci (Книга о хвалах блаженного Франциска)*, Anal. Franc. III, p. 696.

миноритам, побывал в разных местах и преподавал богословие в Туре, Болонье и Падуе. В 1230 г. был кустодом в Париже, в 1233–34 гг. – папским легатом у императора Восточной Римской империи, наконец, в 1239 г. стал настоятелем францисканской провинции в Англии. Источники не сообщают, когда именно он преподавал в Падуе, некоторые исследователи считают, что именно в 1232–33 гг., когда известный профессор и мог предложить свои услуги в качестве официального агиографа, другие же считают, что в Венето¹⁴ Эймон останавливался по возвращении из Византии.

Не опровергнута до сих пор и точка зрения, появившаяся в XVII в. в монастыре Св. Антония в Падуе и получившая широкое распространение: *Assidua* сочинил один из братьев-францисканцев Падуанской провинции.

Адресаты, цель и распространение

а) Главный адресат и заказчик трактата указан в первом предложении общего пролога: францисканцы, именно от них исходит инициатива (горизонтальный уровень – настойчивые просьбы; вертикальный – спасительное послушание). Сам же автор предстает смиренным, старательным исполнителем заказа.

В акте канонизации был установлен, по распоряжению Папы, день памяти нового святого, ежегодно отмечаемый в июне (29, 9b), следовательно, в литургии дня памяти акцент должен быть сделан на духовности Антония. Для мессы было возможно позаимствовать одно из общих последований Миссала «Об исповеднике не понтифике» или «Об учителе» и добавить к ней три собственные молитвы – Вступительную, Тайную и Молитву после Причащения (*collecta, secreta, postcommunio*), сочиненные, возможно, лично понтификом¹⁵ по случаю торжественной церемонии в Сполето. Что касается канонических Часов – совершаемых как в монастыре, так и частным образом, – то для них было необходимо создать соответствующую «Легенду». Речь идет о тексте, который, – как следует из этимологии самого слова *legenda*, следовало читать (*legere*) собратьям святого по Ордену – прежде всего в Падуе, при его усыпальнице, в праздник и во время ночных молитв октавы (в связи с последней практикой Папа установил особую идульгенцию).

Кроме того, по призыву Григория IX праздник св. Антония начали отмечать в самых разных церковных кругах: в Падуе и Лиссабоне, в обителях регулярных каноников в Коимбре и Верчелли, у кларисс в Арчелле. Очевидно, они также, испытывая потребность в агиографическом сочинении, посвященном человеку Божию, обращались с просьбой к миноритам, собратьям святого, возлагая на них это бремя и честь. Кроме того, и вне монастырских и церковных стен было немало образованных людей, желавших познакомиться с жизнью и деяниями францисканского проповедника. Например, нотариус Роландино не только сам был хорошо знаком с *Assidua*, но и на страницах собственного трактата отсылает к ней читателей, желающих лучше узнать святого.

б) Цель, которой задается автор, предельно проста (1, 2): слушая о чудесах, совершенных Богом через святых, верующий получает стимул всегда и во всем прославлять Всевышнего и одновременно обретает любовь к блаженному и слышит призыв к более ответственной христианской жизни. Итак, цель тройкая: хвала Бога, почитание святого и стремление тем самым достичь евангельских добродетелей.

Агиограф осознает, что не должен просто изложить исторические факты, хотя в ту эпоху было немало интересных и важных событий, заслуживших увековечивания в хрониках.

---

¹⁴ Область на северо-востоке Италии, у Адриатического моря. Административный центр – Венеция. Включает провинции: Беллуно, Венеция, Верона, Виченца, Падуя, Ровиго, Тревизо. – *Прим. пер.*

¹⁵ Не случайно в некоторых списках буллы *Cum dicat Dominus* к пергаменту прикреплен лист с тремя молитвами для Мессы.

Мы имеем дело с историко-культурно-нравственным сочинением, в котором житие и деяния избранника Божия рассказаны с воспитательной целью. Неверно сводить труд агиографа к попытке предложить исчерпывающую биографию ученика Христова, в строгом следовании хронологии, в желании вписать портрет подвижника в политические, географические, религиозные рамки современной ему эпохи (в нашем случае – в ситуацию, царившую в Ордене францисканцев при жизни Антония), чтобы увидеть психологию и мотивацию его поведения и т. п.

В агиографическом жанре все лишнее отсекается. Автор легенды старается выбирать те деяния, которые ему кажутся особенно значимыми. Поэтому кульминация его труда – самое важное событие жизни подвижника: его переход из этого мира к Отцу, смертный час, когда человек Божий окончательно подтверждает свою веру. Посмертные чудеса воспринимаются как Божественная печать, как бесспорное предзнаменование будущего воскресения и доказательство славы святого на небесах. Не случайно главный купол базилики Св. Антония в Падуе копирует купол храма Гроба Господня в Иерусалиме. Тот, кто следовал по пути Христа, общается и к Его бессмертию.

Агиографический труд – книга веры и молитвы, настойчивый призыв к встрече с евангельским идеалом жизни, помощь в испытании совести. «Историзм» жития сливается с архетипом, лежащим у истоков этого жанра, – к четырем повествованиям о жизни Иисуса Христа, к Евангелию.

с) Веками *Assidua* была официальным литургическим текстом базилики св. Антония. Даже после незначительной «ревизии» в конце XIII в. и появления нового жития – «Легенда *Raimundina*», более гармоничного по структуре, Первое житие не было заменено.

Это сочинение пользовалось завидной популярностью и вне падуанского санктуария. Полностью или частично оно представлено по меньшей мере в 60 манускриптах. Полная версия представлена в 11 манускриптах (не считая рукописной копии падуанского кодекса, выполненной Беноффи в XVIII в.), – из них 3 восходят к XIII в., 5 – к XIV в., 3 – к XV в. География распространения: 1 манускрипт – в Италии, по одному в Германии, Швейцарии, Португалии, Ирландии, 2 – в Великобритании, 4 – в Париже. Удача сопутствовала и печатной версии *Assidua*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.